

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Пензенский филиал
440052, Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б
jurassow@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Пензенский филиал
440052, Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33Б
margo10@inbox.ru

Конфликт идентичностей в религиозной семiosфере: дискурс украинской автокефалии

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу особого ментального социо-семиологического феномена конфликта различных типов идентичностей в рамках одного социального субъекта (индивида, социальной группы, этноса). При исследовании идентичности учёный сталкивается с целым их комплексом. Они по-разному влияют на формирование и развитие религиозного мировоззрения. Эти идентичности можно определить как первичные и вторичные. Первичными идентичностями являются этническая, социальная; вторичной – социокультурная и религиозная. Базой формирования и развития социального процесса украинской автокефалии является когнитивный процесс конфликта этнической, конфессиональной и религиозной идентичностей. Гиперболизация этнической идентичности приводит к формированию особого феномена фольклоризированной православной идентичности, которая становится базой

развития «сельской» православной идентичности. Для последней характерна редукция философско-богословских смыслов и увеличение смысловых потенциалов идеологического, политического и мифологического дискурса. Сельский фольклоризированный дискурс делает возможным детерминацию конфессиональной идентичности социально-психологическими качествами этнического украинского менталитета. Дихотомия украинского менталитета, наличие в нём западно-украинских и восточно-украинских когнитивных ментальных единиц, приводит к структурированию специфических «кентавр идей» (термин Ж.Т. Тощенко), которые усложняют когнитивный конфликт идентичностей, и становится основой развития регионального традиционализма, политизации идентичностей, что приводит к усугублению социокультурных и ментальных конфликтов и противоречий и служит базой архаизации украинского общества. Базовыми дискурсами, обслуживающими украинскую автокефалию, являются политический, идеологический и мифологический дискурсы.

Ключевые слова: этническая, конфессиональная, религиозная идентичности, религиозная идентичность, типы религиозного дискурса, кентавр идеи, архаизация общества

¹ Igor A. Yurasov, ² Maria A. Tanina

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza Branch
33B Kalinina Str., Penza, Russia, 440052
jurassow@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza Branch
33B Kalinina Str., Penza, Russia, 440052
margo10@inbox.ru

Conflict of Identities in the Religious Semiosphere: Discourse of Ukrainian Autocephaly

Abstract. The given study focuses on the analysis of specific mental socio-semiological phenomenon of conflict of different types of identities within the same social subject (individual, social group, ethnic group). Studying the identity, a scientist faces a whole complex of the latter. They have different effects on the formation and development of religious worldview. These identities can be defined as primary and secondary ones.

Primary identities are ethnic, social; secondary socio-cultural and religious. The basis for the formation and development of the social process of Ukrainian autocephaly is the cognitive process of the conflict of ethnic, religious and religious identities. Hyperbolization of ethnic identity leads to the formation of a special phenomenon of "rural" Orthodox identity. The latter is characterized by a reduction of philosophical and theological meanings and an increase in the semantic potentials of ideological, political and mythological discourse. Rural folklore discourse makes it possible to determine the confessional identity of socio-psychological qualities of the ethnic Ukrainian mentality. The dichotomy of the Ukrainian mentality, the presence in it of Western Ukrainian and Eastern Ukrainian cognitive mental units leads to the structuring of specific "centaur ideas" (the term belongs to Zh. T. Toshchenko), which complicate the cognitive conflict of identities and becomes the basis for the development of regional traditionalism, politicization of identities, which leads to the aggravation of socio-cultural and mental conflicts and contradictions and serves as the basis of the archaization of Ukrainian society. The basic discourses serving Ukrainian autocephaly are political, ideological and mythological ones.

Key words: ethnic, confessional, religious identity, religious identities, types of religious discourse, centaur ideas, archaization of society

В настоящее время социологическому исследованию идентичностей уделяется достаточное внимание в отечественной и зарубежной науке. Под идентичностью в современной социологии понимается типизация личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой она принадлежит. Другими словами, идентичность – это соотнесение индивида с социальной группой, концепцией, ценностью, нормой. Недавно в научный дискурс было введено понятие «конфликта идентичностей», концептуализацией которого занимались Ю. Хабермас, М.Е. Попов и другие [Попов, 2011, 112; Попов, 2015, 96; Хабермас, 2010, 8]. В своём масштабном исследовании М.Е. Попов дал следующее определение конфликта идентичностей: «Конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты посттрадиционности, фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей» [Попов, 2011, 112; Попов, 2015, 96; Хабермас, 2010, 8]. Традиционно в социологии под конфликтом идентичностей понимался конфликт личностей, социальных групп, обладающих специфическими идентичностями, ценностные установки которых угрожают идентичностям других личностей, социальных групп, социальных общностей. Современная социальная практика предлагает новую возможность интерпретации данного понятия.

В рамках настоящей работы под конфликтом идентичностей будет пониматься сложный когнитивный процесс объединения в рамках одного социального субъекта (личности, социальной группы, социума) различного рода идентичностей, связанных между собой, но имеющих разную природу, когда, как казалось бы, идентичности одного рода противоречат друг другу, являются производными от социальных конструктов разного социального порядка, различной общественной природы. В результате конфликта идентичностей можно выделить первичные (социальную, этническую) и вторичные идентичности (социокультурную и религиозную). Эти идентичности могут вступать в конфликт друг с другом, чему в истории есть немало подтверждений.

Подмену религиозной идентичности социальной и конфликт идентичностей можно видеть в советском диссидентском движении в 60-80-е годы XX века в СССР, когда причиной псевдорелигиозного, православного возрождения ограниченной социальной группы стало недовольство социальным порядком в стране. Примерами такого конфликта идентичностей стала подмена религиозной идентичности национальной в Греции, Австро-Венгрии, Российской империи, Восточной Европе (ГДР, Венгерская народная республика, Болгария) в 60–90 годы XX века, социальный процесс церковной автокефалии на Украине. В этих социально-исторических процессах оказались затронуты этническая, конфессиональная, религиозная идентичности.

Анализ конфликта идентичностей можно провести с использованием дискурсивного анализа. При изучении дискурсивного наполнения украинской автокефалии выясняется, что в этом социальном процессе участвуют политический, идеологический, мифологический дискурсы. Не затронутыми оказались художественный дискурс (из-за недостаточности временного промежутка, позволяющего вербализировать и концептуализировать в художественной литературе, живописи,

кинематографии этот социальный феномен) и философско-богословский дискурс, который не предполагал какой-либо серьёзной конфронтации философской и теологической семиосферы православного христианства [Юрасов, 2018, 85].

Основными топосами, представляющими составные части, аспекты дискурса автокефалии на Украине, служат топосы национализма, этнической исключительности, этнического фольклора, неуверенности, страха, политических ценностей, национальных и этнических интересов, светского управления, этнической сегрегации, легитимности, признания социосемиотической идеологической системы, иерархии, юридической каноничности, узурпации власти.

Текст томоса и весь дискурс украинской автокефалии совсем не затрагивает каких-либо богословских, философских вопросов и не содержит богословских и философских топосов: «В томосе Господь наш Иисус Христос ни разу не назван Главою Церкви, но именуется только её Основателем: *«под покровом Основателя Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви Богочеловека Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа»* [Леонов, <http://www.pravoslavie.ru/119709.html>].

Таким образом, социальный процесс украинской автокефалии не позволяет говорить о формировании особой религиозной идентичности. Речь, скорее, идёт о развитии этнической идентичности, о трансформации этнической идентичности в идентичность конфессиональную. Конфессиональная идентичность представляет собой соотнесение индивида с типом религиозного сообщества, с этносом, с системой обрядов и культовых действий, смысл которых не до конца ясен индивиду. Конфессиональная идентичность формируется на основе этнической идентичности. Это подтверждается данными авторских социологических исследований, глубинных интервью с трудовыми мигрантами с Украины в Российской Федерации, с трудовыми мигрантами с Западной Украины, работающими в Италии, Греции (n=31).

Кроме того, эту точку зрения подтверждают данные многочисленных вторичных социологических, исторических и этнографических исследований, затрагивающих этнический национализм в качестве базы формирования конфессиональной идентичности. Ещё задолго до провозглашения украинской автокефалии выходили работы П. Троицкого, церковного историка, этнографа и специалиста по современному Афону. Он предупреждал об опасности греческого этнического национализма, маскирующегося под православную религиозную идентичность, и с осторожностью утверждал, что следует назвать «афонскую греческую традицию, уже не столь положительную: ни один русский монах не может жить и ужиться в греческом монастыре. Может, какие-то исключения и есть, но они единичные. Это уже в XIX веке было большой проблемой. Между прочим, сейчас существует негласное распоряжение, что все русские монахи должны быть в Пантелеимоновом монастыре, в результате многих русских монахов выталкивают именно в эту обитель» [Троицкий, 2017, 86]. Этнический греческий национализм начал формировать задолго до трагических событий 2014–2019 годов.

В 1821 году в Греции произошло восстание, которое в нашей историографии интерпретируется часто как национально-освободительная борьба греков против турецкого владычества. На самом деле это, по мнению П. Троицкого, было выступлением греческих националистов, которые планировали освободить свою родину, Элладу, от турецкого владычества. Восстание греческих националистов поддержали афонские монахи, которые оказывали помощь, вступали в ополчение. Туркам пришлось оккупировать Афон, который подвергся масштабному разорению, и в течение почти десяти лет он был в плачевном состоянии. Почти все насельники Пантелеимонова монастыря были вынуждены покинуть свою обитель. После греческого освобождения Эллады и Афона национализм перешёл в религиозное, монашеское мировоззрение. Об этом факте говорится также в работах В. Маевского, в частности, в его книге «Афон и его судьба». По свидетельству П. Троицкого и В. Маевского, сами греки распространяли этническую сегрегацию на элладских греков, которые жили в освобождённой Элладе и были большими националистами, и на турецких греков, которые жили в Османской империи. С первыми очень трудно было ужиться русским монахам на Афоне. В 1871 году имел место серьёзный конфликт в русском монастыре св. Пантелеимона между греками и русскими, и если бы русские монахи

не оказали активного сопротивления, то этот монастырь не принадлежал бы сегодня русским [Троицкий, 2017, 92].

Большая часть афонского монашества, греков по национальности, была захвачена греческим национализмом, «Великой идеей» – стремлением возродить Византийскую империю или «Великую Грецию». Сначала они начали бороться за Византию, считая, что Византия не являлась Грецией, а была империей, то есть многонациональным государством. Потом эта борьба за возрождение Византии окончательно трансформировалась в борьбу за секулярную и светскую идею Великой Греции. В этом случае можно говорить о случае социальной метонимии, о замене глобальной идеи православности, православной идентичности и православной государственности национальной идеей буржуазного государства.

В 2017 году игумены Великой Лавры, Нового Есфигмена, Иверона и Кутлумуша конфиденциально обратились к Константинопольскому патриарху с просьбой ограничить присутствие русских на Афоне. Требовалось прекратить любые строительные работы в русских монастырях и сделать всё дипломатически возможное, чтобы количество русских монахов и паломников не увеличивалось [Леонов, <http://www.pravoslavie.ru/119709.html>]. В письме утверждалось, что Российская Федерация специально посылает монахов на Афон, и именно для них на Афоне ведётся строительство, которое находится на балансе Московского Патриархата, что всё это делается исключительно с точки зрения политики панславизма [Леонов, <http://www.pravoslavie.ru/119709.html>]. Упомянутые монастыри поддержали в 2019 году идею послать представителей на «интронизацию» псевдомитрополита Думенко. Этнический греческий национализм, русофобия привели в итоге к деформации религиозной и конфессиональной идентичностей и стали основой канонических нарушений.

Подобные процессы замены религиозной идентичности на национально-конфессиональную и этническую происходили в СССР в диссидентском движении, в Польше в 70-8-е годы XX века и в ГДР в 80-е годы, когда церковная организация возглавляли пассивные идеологические протесты. Католическая церковь Польши, Венгрии и лютеранская церковь в ГДР под эгидой католического, протестантского возрождения боролись, в первую очередь, с идеологией, с социалистическим государством и руководствовались больше политическим нарративами [Юрасов, 2018, 112]. Таким образом, многочисленные исторические примеры подтверждают авторскую гипотезу о первичности этнической идентичности и о развитии не её основе конфессиональной и религиозной идентичности. Особенно ярко этот феномен проявился в 2019 году на Украине, на примере украинской автокефалии. Этнический украинский национализм, политический националистический дискурс формируют новую особую конфессиональную идентичность для новой автокефальной конфессии, стенированной Константинопольским патриархатом. Формирование новой конфессиональной идентичности в противовес старой православной идентичности тесно связано с базовыми ментальными характеристиками украинской нации, с украинским менталитетом.

Согласно авторским социологическим исследованиям, базовыми этническими признаками, лежащими в основе национальной самоидентификации народов, населяющих Украину, являются: язык – 83,7%; обычаи, традиции, культура – 61,9%; религия – 59,8%. Национальная идентичность в системе идентичностей является более сильной, чем религиозная. На её основе формируется конфессиональная идентичность, которая состоит из следующих показателей: уровень и частота религиозных практик; самоидентификация индивида с системой обрядов и культов; форма участия в жизни религиозного сообщества [Юрасов, 2018, 114]. На основании этнической и конфессиональной идентичности может формироваться, а может и не формироваться религиозная идентичность, которая базируется на принадлежности индивида к системе верований, к системе ценностей и норм, и освоении сакрального опыта религиозной семиосферы.

Более ранние авторские социологические исследования выявили типы религиозной идентичности – нормативно-конфессиональную, фольклоризированную и маргинальную. Фольклоризированная религиозная идентичность строится на мифологическом и художественном дискурсах, на народной культуре, традиции, ритуалах, обрядах, часто противоречащих нормативной религиозной догматической системе.

Гиперболизация этнической идентичности приводит к формированию особой фольклоризированной православной идентичности, которая становится базой развития «сельской» православной идентичности. Она формирует «сельский» тип православной религиозной идентичности, основанный: на доминировании эмоционального компонента религиозного дискурса; на доминировании вторичных жанров религиозного дискурса (проповедей, духовных песен, стихов); на особой прецедентности религиозных текстов; на типе редукции религиозных догм; на интертекстуальности с агиографической литературой, народными сказами; на своеобразной иерархии коммуникативных стратегий; на редукции философско-богословских смыслов и на увеличении смысловых потенций идеологического, политического и мифологического дискурса [Юрасов, 2018, 116].

Сельский фольклоризированный дискурс делает возможным детерминацию конфессиональной идентичности социально-психологическими качествами этнического украинского менталитета, что в свою очередь серьёзно углубляет национальный раскол. Когнитивный феномен конфликта идентичностей – этнической с конфессиональной и деформированной религиозной приводит к реальному конфликту идентичностей в социуме. О связи этнической идентичности с политической и конфессиональной говорил известный социолог Ю. Хабермас, анализируя индуистскую идентичность: «Например, индуистский национализм есть больше политический, чем религиозный феномен, который может быть объяснён в категориях постколониальной национальной идентичности» [Хабермас, 2010, 9; Юрасов, 2018, 118].

Исследованию украинского менталитета посвящены работы украинских учёных-этнографов В. Липинского, Д. Чижевского, С.Л. Рудницкого. Согласно их исследованиям, базовыми характеристиками украинского менталитета являются следующие социально-психологические характеристики: эмоциональность, примат чувственности над рациональностью, вспыльчивость, быстрое охлаждение, местечковый патриотизм, приверженность «малой родине», своему селу, фольклоризированная конфессиональность, двоеверие, сочетающее в себе православную догматику, языческие традиции и обряды, индивидуализм, социальный фатализм, авантюризм [Бандурка, 2000, 54; Додонов, 1998, 4; Бубнов; Липинський, 1991, 18; Чижевський, 1991, 95; Чижевський, 1991а, 91; Рудницький, 1918, 21].

Среди основных детерминант процесса происхождения и функционирования украинской ментальности выделяются природно-географические, культурно-исторические и социоэтнические группы факторов, в частности: изменение определяющего влияния разных соседей, постоянная изменчивость этнических, территориальных, военных, культурно-языковых, государственно-политических факторов.

В. Липинский в своём исследовании утверждал: примат украинской эмоциональности: «наша емоціональність <...> дозволить нам нашою запальністю, буйною творчою імагінацією і великою пристрасністю зробити в короткій час те, на що інші нації, з холодним і нечутливим темпераментом, потребували б багато більших зусиль і багато більше часу» [Липинський, 1991, 18].

Д. Чижевский даёт следующую комплексную ментальную характеристику украинца: украинец ценит «більше широкий жест, ніж глибокий зміст, більше розмах і кількість, ніж внутрішню якість, більше вираз, форми виразу змісту, ніж зміст самий, одним словом – цінить більше “здаватися” ніж “бути” [Чижевський, 1991, 95]. В. Липинский в своих «Листах до братів-хліборобів» замечает, что географическое положение и смешение разных рас создали в населении Украины чрезмерную, часто предвзятую чувствительность, он пишет: «Надмірною чутливістю <...> пояснюється наша легка запальність і шкоре схолоджування: пояснюється теж дражливість на дрібниці і байдужість до дійсно важливих речей, яких розрізняти від дрібниць не вміємо» [Чижевський, 1991а, 91]. Отсюда происходят и более широкие обобщения: М. Драгоманов называл украинскую историю «плебейской», Е. Маланюк нарисовал специфический образ Украины, которая «воскресає марно» и народ которой «сліпець відвічний» и раб. Украинский поэт И. Франко характеризовал украинцев как «расу обважнілу, незграбну, сентиментальну, позбавлену гарту й сили волі, так мало здатну до політичного життя на власному смітнику» [Бандурка, 2000, 154].

Украинские этнографы и социологи утверждают, что украинцы – религиозный народ. Только их религиозность отличается от нормативно-конфессиональной. Украинiec бога любит, скорее, эмоционально, чем проявляет «страх божий». Украинский менталитет воспринимает Христа скорее как старшего брата, помощника, старшего товарища, родного и близкого, а не как строгую, справедливую Высшую Силу.

«Украинцы очень патриотичная нация. Скорее да, чем нет, но патриотизм у нас разительно отличается от патриотизма, например, российского. Украинiec может искренне любить Родину, но при этом не представлять себе как красиво он отдаст за неё жизнь, поэтому такие крайности, в отсутствии необходимости в оных зачастую удивляют украинцев, разговаривающих с русскими патриотами. Мы любим не только Украину в целом, наш “червоним мальвам, коло хати”, бабушкиному рушнику, Хрещатику, львовскому трамваю, тихой украинской ночи и всему очень родному, до боли знакомому и близкому – русскому патриоту такие сантименты и детали зачастую кажутся сопливыми. Наш патриотизм чрезвычайно символичен, и этот символизм запечатлён как на подсознательном уровне, так и в материальной и в нематериальной культуре. Я думаю, что такое обилие символов (вышиванка, изображения трезуба, Тараса Шевченко, червона калина и т.д.) обусловлено, опять же, долгими столетиями великой украинской мечты о Соборной Державе и необходимостью как-то материализовать в символах эту коллективную мечту».

Особую социологическую, когнитивную и ментальную проблему представляет раскол украинской идеологии, наличие диаметрально противоположных идеологических систем на Западной и Восточной Украине. Западная Украина, бывшая прежде Галицией, одной из провинций Австро-Венгерской империи, демонстрирует иные ментальные характеристики, чем правобережная Украина. Левобережная Украина присоединилась к Российской империи в 1654 г., Правобережная – в 1794 г., а Галиция – лишь в 1939 г., что, конечно же, повлекло за собой формирование другой ментальности, а вследствие этого и различные представления относительно будущего украинского государства. На протяжении веков Галиция относилась к иному государству, к иной церкви (греко-католической), чем остальные регионы Украины, и жила под польскими и немецкими культурными влияниями. По этому поводу Н. Грушевский отмечал, что если бы Галиция и Великая Украина не заботились о сближении, а пошли своим путём, то за 20–30 лет они образовали бы две различные национальности на единой этнической основе. В качестве примера можно привести сербов и хорватов – две части сербского племени, которые вследствие политических, культурных и религиозных обстоятельств разошлись к новому обособлению. Удачную характеристику психологических отличий в самом украинском этносе приводят украинские социологи, характеризуя украинцев в основном как людей восточноевропейской культуры и сознания. Хотя они и отличаются от россиян, тем не менее, с последними их объединяет очень многое: общность исторической судьбы, войны, трагедии и победы, религия и культура, поскольку десять, двенадцать и семь или восемь поколений украинцев, соответственно на Левобережной и Правобережной Украине, формировались вместе с россиянами и в составе российского государства [Бандурка, 2000, 154; Додонов, 1998, 4; Додонов, 1918, 26].

Следует особо отметить высокую религиозность всех слоёв населения Галиции. На иных территориях Украины более активное влияние на население имела классовая, или сословная, мораль. Вместе с тем общечеловеческая мораль на всей территории Украины сохранилась только благодаря укоренившимся фольклорным традициям. Другой отличительной чертой этнополитических, психологических характеристик населения Западной и Восточной Украины является индивидуализм галичан [Бандурка, 2000, 156; Додонов, 1998, 4].

Также галичан отличает индивидуализм, в противоположность коллективизму жителей восточной части Украины, которые формировались под влиянием польского политического и идеологического дискурсов, а также доминирование сельского образа жизни и сельского менталитета в этих регионах.

Формирование православной религиозной идентичности проходило на Украине, в Российской Федерации, в Белоруссии, Молдавии в условиях тесного соприкосновения православной семиосферы с крестьянским, сельским бытом. Социальные

процессы отождествления религиозной доктрины с бытом одной из немногочисленных в настоящее время социальных групп проходили ещё во времена СССР. Определённые традиции, ритуалы, обычаи, социальные отношения, принятые в конкретной социальной группе, были перенесены на всю церковь, стали маркерами религиозной идентичности всей православной картины мира. Многие так называемые «православные обычаи» были автоматически, некритично перенесены из крестьянской, сельской среды в православную городскую среду.

После геноцида православных верующих в XX веке именно крестьянская среда в силу многих причин (верность старым идеалам, необразованность и косность среды, бесстрашие, неуязвимость в силу своего низкого социального положения репрессиям) осталась верной своим религиозным идеалам, и поэтому формирование православной религиозной идентичности шло через идентификацию неофитов с крестьянским, сельским образом жизни. В настоящее время люди, приходящие в православную церковь, воспринимают привнесённые крестьянские, сельские традиции как нечто обязательное, как маркер религиозной идентичности. Формирование православной религиозной идентичности наталкивается на трансляцию культурной среды, культурных кодов, никаким образом не связанных с религиозной доктриной. Таким образом складывается ситуация, когда нормы одной социально-профессиональной группы населения накладываются на нормы религиозного поведения, что приводит к различным деформациям нормативно-конфессиональной идентичности.

Современная идеологическая доктрина Украины построена на гипертрофировании крестьянского образа жизни, сельских традиций, особенно на Западной Украине, где считается, что важнейшие православные праздники – Пасха и Рождество Христово – должны обязательно праздноваться «на селі», при строгом соблюдении крестьянских, сельских ритуалов, часто не имеющих отношения к религиозной картине мира (например, традиция двенадцати постных блюд в Рождественский сочельник).

Гиперболизация бытовых норм и обрядов сельского православия, гипертрофирование этнического фактора в религиозной и конфессиональной идентичности приводят к деформации идентичности и дополняют дискурс автокефалии топосом типичного деревенского образа жизни.

Таким образом, этнический украинский менталитет, сельское мировоззрение внесли дополнительные смыслы, и во многом стали социосемiotическими основами попытки религиозного размежевания Украины и России.

Следующей ментальной причиной украинского раскола стал индивидуализм, одно из качеств этнической психологии украинцев. Своёобразно с геополитической точки зрения объяснял индивидуализм своих земляков академик С. Рудницкий, который считал, что лесной характер территории Западной Украины существенным образом повлиял и на её внутреннюю историю, поскольку лес усложнял жизнь, делил население на группы, а в целом такие условия способствовали политическому и экономическому партикуляризму. У населения Восточной Украины, прежде всего, в среде украинской интеллигенции, которая в подавляющем большинстве была крестьянской по происхождению и потому отдавала предпочтение социальному освобождению, а не национальному, исторически выработались анархизм, радикализм и народничество, вера в «доброе и умного хозяина», который наведёт порядок и освободит народ, желание разделить, размежеваться.

На стремление отделиться, подчеркнуть своё «украинство» повлиял этнический национализм западных украинцев. В западной части Украины с эпицентром в городе Львове особо ценится собственная этническая идентичность. Население здесь особенно любит украинский язык, на праздники надевают национальную одежду – вышиванки, гордятся своей историей, особенно той её частью, которая свидетельствует о борьбе народа за независимость Украины, национальными героями и культурным наследием. В плане дискурсивного сопровождения украинской автокефалии гиперболизируется этнонациональный метанарратив при сильнейшей редукции философско-богословского нарратива. В дискурсе украинского раскола отсутствуют религиозные, догматические, теологические, аскетические, нравственные

смыслы, доминируют смыслы политические, этнические, фольклорные, идеологические, которые культивируют региональный патриотический дискурс и являются базой формирования регионального и политического традиционализма, приводящего к размежеванию с нормативной православной семисоферой.

Конфликт идентичностей в украинском национальной менталитете приводит к формированию специфических «кентавр-идей» в украинской идеосфере. Концепцию «кентавр-идей» разработал в 2011 году Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2011, 5]. Он дефинировал их как искажённые формы объективной или воображаемой действительности, никак не коррелирующие с реальной картиной, отвергающие прежний опыт, смешивающие научный, идеологические подходы, на базе социальной иррациональности. Такими формами искажения социальной реальности стал конфликт этнической, конфессиональной и религиозной идентичностей. Украинская кентавр-идея церковной самостоятельности представляет собой смесь этнических, националистических, традиционалистских, политических, мифологических смыслов, которые деформируют православную религиозную идентичность.

Библиографический список

1. Бандурка, М. Этнопсихология Учебное пособие для высших учебных заведений / М. Бандурка, В.А. Друзь. – Харьков: Харьков, 2000. – 240 с.
2. Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье: Тандем-У, 1998. – С. 4.
3. Леонов Вадим (протоиерей). Украинский томос – капкан для мирового православия [Электронный ресурс] / Вадим Леонов (протоиерей). – URL: <http://www.pravoslavie.ru/119709.html> (дата обращения 6.03.2019).
4. Попов, М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты / М.Е. Попов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 312 с.
5. Попов, М.Е. Социокультурная интеграция как инструмент разрешения этнополитических конфликтов на Северном Кавказе – М.Е. Попов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2015. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 95–99.
6. Текст томоса об автокефалии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.patriarchate.org>. (дата обращения 6.03.2019).
7. Троицкий, П. Русские на Афоне / П. Троицкий. – М.: Москва, 2017. – 187 с.
8. Тощенко, Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 3–13.
9. Хабермас, Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе / Ю. Хабермас // Полису. – 2010. – № 2. – С. 7–21.
10. Юрасов, И.А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности / И.А. Юрасов, О.А. Павлова. – Пенза: Изд. ПГУ, 2018. – 216 с.
11. Бубнов, І.В. Эвтроінтеграційні прагнення України в аспекті національних ментальних особливостей [Электронный ресурс] / І.В. Бубнов. – URL: <http://bulletin.odeku.edu.ua/wp-content/uploads/2010/03/30-Bubnov.pdf> (дата обращения 4.03.2019).
12. Липинський, В. Листи до братів-хліборобів: Про ідею і організацію українського монархізму / В. Липинський // Філософська і соціологічна думка. – 1991. – № 10. – С. 18.
13. Чижевський, Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д. Чижевський. – Нью-Йорк, 1991.
14. Rothman, J. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement / J. Rothman, M. Alberstein // Ohio State Journal on Dispute Resolution. – 2013. – № 28 (3). – P. 631–658.
15. Рудницький, С.Л. Über einige Probleme der Geographie Osteuropas / С.Л. Рудницький // Mitteilungen der k. k. Österreichischen Geographischen Gesellschaft in Wien, LXI–LXII (1918).
16. Willems, U. 2003. Religion als Privatsache? Eine kritische Auseinandersetzung mit dem liberalen Prinzip einer strikten Trennung von Religion und Politik. – Politik und Religion. Minkenburg M. und Willems U. (eds.). PSV Sonderheft 33.

Текст поступил в редакцию 06.04.2019.

References

1. Bandurka M., Druz' V.A. *Etnopsihologiya. Uchebnoe posobie dlya vysshih uchebnykh zavedenij* [Ethnic Psycholog. Textbook for Higher Educational Institutions]. Kharkov: Kharkov, 2000, 240 p. (in Russian).
2. Dodonov R.A. *Etnicheskaya mental'nost': opyt social'no-filosofskogo issledovaniya* [Ethnic Mentality: Social and Philosophical Research Experience]. Zaporozh'e: Tandem-U, 1998, p. 4 (in Russian).
3. Leonov V. (protoierej). *Ukrainskij tomos – kapkan dlya mirovogo pravoslaviya* [Ukrainian Tomos – Trap for the World of Orthodoxy]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/119709.html> (accessed on March 6, 2019) (in Russian).
4. Popov M.E. *Konflikty identichnostej v posttradicionnoj Rossii: obshcherossijskij i regional'nyj aspekty* [Conflicts of Identities in Post-Traditional Russia: Federal and Regional Aspects]. Stavropol: SGU Publ., 2011, 312 p. (in Russian).
5. Popov M.E. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [News of Saratov University. Series: Sociology. Politology]. 2015, vol. 15, no. 2, pp. 95–99 (in Russian).
6. *Tekst tomosa ob avtokefalii* [The Text of the Tomos of Autocephaly]. Available at: <https://www.patriarchate.org>. (accessed on March 6, 2019) (in Russian).
7. Troitskiy P. *Russkie na Afone* [Russians at Athos]. Moscow.: Moskva Publ., 2017, 187 p. (in Russian).
8. Toshchenko Zh.T. *Sociologicheskie issledovaniya* [Studies in Sociology]. 2011, no. 12, pp. 3–13 (in Russian).
9. Habermas Yu. *Religiya, pravo i politika. Politicheskaya spravedlivost' v mul'tikul'turnom mir-obshchestve* [Religion, Law and Politics. Political Justice in a Multicultural World-Society]. Polisu, 2010, no. 2, pp. 7–21 (in Russian).
10. Yurasov I.A., Pavlova O.A. *Diskursivnoe issledovanie pravoslavnoj religioznoj identichnosti* [Discursive Study of Orthodox Religious Identity]. Penza: PGU Publ., 2018, 216 p. (in Russian).
11. Bubnov I.B. *Euro-Integrational Endeavors of Ukraine in National Mental Peculiarities* [Evtroitentratsionnie prahnennia Ukrainy v aspekti natsionalnykh mentalnykh osoblyvostej]. Available at: <http://bulletin.odeku.edu.ua/wp-content/uploads/2010/03/30-Bubnov.pdf> (accessed on March 4, 2019) (in Ukrainian).
12. Lypynskiy V. *Filosofska i sotsiologichna dumka* [Philosophical and Sociological Thought]. 1991, no. 10, p. 18 (in Ukrainian).
13. Chyzhevskiy D. *Narysy z istorii filosofii na Ukraini* [Essays on the history of philosophy in Ukraine]. NY, 1991 (in Ukrainian).
14. Rothman J., Alberstein M. *Individuals, Groups and Intergroups: Understanding the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement*. Ohio State Journal on Dispute Resolution, 2013, no. 28 (3), pp. 631–658 (in English).
15. Rudnytskyi C.L. *About Some Problems of the Geography of East Europe* [Uber einige Probleme der Geographie Osteuropas]. Mitteilungen der kk Osterreichischen Geographischen Gesellschaft in Wien, LXI–LXII, 1918 (in German).
16. Willems U., Minkenbug M. (eds). *Politics and Religion* [Politik und Religion]. PSV Sonderheft, no. 33, 2003 (in German).

Submitted for publication on April 6, 2019.